

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КУРДСКИХ СВЯЗЕЙ

Русско-курдские связи зародились в начале XIX в., в период присоединения Закавказья (Грузии, Северного Азербайджана и Восточной Армении) к России. Несмотря на завоевательный характер политики царизма, роль России в становлении исторических судеб народов этих стран носила прогрессивный характер.

Еще в середине прошлого века Ф. Энгельс писал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»¹.

Касаясь непосредственно русско-курдских связей следует подчеркнуть, что эти связи большей частью носили характер боевого содружества в борьбе против шахского Ирана и султанской Турции. К сближению с русским народом курдов побуждало также их бесправное положение под гнетом Турции и Ирана, равно как и тот факт, что Россия по своему экономическому и культурному развитию стояла несравненно выше Турции и Ирана. В дальнейшем, в период русско-иранских и русско-турецких войн, представители народов Закавказья—армяне, азербайджанцы, грузины и часть курдов, сражались на стороне русской армии против турецких и персидских войск, и в ходе совместных боевых действий против общего врага происходило сближение между этими народами, росло их доверие к русскому народу. Неслучайно в связи с этим замечание академика В. А. Гордлевского о том, что «... в течение всего XIX века в Курдистане происходил ряд волнений, совпадающих часто с войнами между Россией и Турцией. Курды как будто чувствовали, что решение их судьбы так или иначе связано с событиями на севере, и в борьбе с султанской властью охотно шли на сближение с русскими»².

Хотя локальные выступления курдов не оказывали существенного влияния на общий ход военных действий, однако они свидетельствовали об усиливавшихся оппозиционных настроениях против шахского Ирана и султанской Турции. Несмотря на то, что освободительные устремления курдов объективно совпадали с военно-политическими интересами России в регионе, тем

не менее, как отмечает в своей ценной книге, посвященной роли курдов в войне России с Турцией и Ираном, П. И. Аверьянов: «...во все войны наши с Турцией на Кавказском фронте мы всегда получали предложения от курдов (хотя почти ровно ничего не делали, чтобы вызвать такие предложения) содействовать нам и сообща обрушиться на турок, но мы никогда не умели ни должным образом оценить эти предложения, ни воспользоваться ими в сколько-нибудь широких и чувствительных для турок размерах»⁴.

В первой половине XIX в., в связи с присоединением к России Закавказья, устанавливаются политические отношения между русским военным командованием на Кавказе и некоторыми курдскими руководителями. Начинается сотрудничество части курдов с русскими в период русско-иранских войн 1804—1813, 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В это же время ученые-востоковеды России приступили к изучению жизни курдов России, Турции и Ирана. Характерно, что В. Ф. Диттель, И. Н. Березин, Х. Абовян в первых же своих исследованиях показывают национальную самобытность курдского народа, его место в истории народов Ближнего и Среднего Востока. В эти годы закладываются основы курдоведения в России.

Ученые-востоковеды П. И. Лерх, А. Д. Жаба, Ф. Юсти, С. А. Егiazаров и другие проводят научную разработку курдского языка, литературы, истории.

Дореволюционной историографией было сделано немало в выявлении и публикации документальных материалов из русско-курдских связей периода русско-иранских и русско-турецких войн. Богатый фактический материал по русско-курдским политическим связям мы находим в актах, собранных Кавказской археографической комиссией, и в трудах военных историков: П. И. Аверьянова⁴, Бензенгра⁵, В. А. Карцева⁶, А. М. Коллюбакина⁷, М. Лихутина⁸, И. Н. Муравьева⁹ и других.

Ряд ценных материалов о русско-курдских связях приводится в трудах П. И. Лерха¹⁰, В. Ф. Минорского¹¹, В. Никитина¹², В. А. Гордлевского¹³ и других. Отдельные вопросы русско-курдских связей того времени подняты и в трудах советских ученых О. Л. Вильчевского, М. С. Лазарева, Н. А. Халфина, Г. Б. Аколова, Джалиле Джалила, Х. М. Ибрагимбейли и других. В своих трудах они вскрывают классовую сущность внешней политики царизма, которая, как и политика других, соперничавших с ней держав, носила захватнический характер и по своей природе была колониальной. Анализируя внешнюю политику царизма на Ближнем и Среднем Востоке в связи с политикой других заинтересованных стран, советская историография в то же время подчеркивает прогрессивный характер политики России для судеб народов этого региона.

В научных исследованиях советских ученых раскрываются в основном отдельные аспекты развития русско-курдских связей. Мало работ, которые давали бы целостное представление об этих связях.

В настоящей статье делается попытка проанализировать и обобщить зарождение и развитие русско-курдских связей в XIX в., показать процесс формирования русской ориентации в среде курдов.

Народы Закавказья не раз выступали против иноземных работодателей. Но силы были слишком неравными. Передовые деятели армянского, грузинского, азербайджанского народов с давних пор стремились к сближению и союзу с Россией. При этом они возлагали немало надежд и на антитурецкие настроения курдов. Так, в 1701 году видный деятель армянского освободительного движения Израел Ори в Москве передал Петру I письмо от армянских князей и меликов с просьбой присоединить Армению к России и оказать помощь в борьбе против ирано-турецких угнетателей. В этом послании указывалось также, что союзниками армянского народа в освободительной борьбе являются грузины, арабы, курды, греки и другие¹⁴.

Полномочный представитель грузинского царя Вахтанга VI Давид Назаришвили в докладной записке от 6 декабря 1725 г. уведомлял коллегия по иностранным делам Российской империи о том, что в борьбе против нашествия турок выступали многочисленные объединенные силы армян, азербайджанского населения Гянджи и курдов, которые нанесли туркам большой урон¹⁵.

В одном из документов того времени сказано: «В развернувшейся борьбе в 20-х годах XVIII в. участвовали не только армянский, грузинский и азербайджанский народы, но и проживающие в крае между «Араратом и Вавилоном (то есть Эмнадзином и Багдадом) айсоры и езиды (курды)»¹⁶.

Представители курдского народа пытались установить политические связи с Грузией, стремящейся к союзу с Россией в борьбе против Османской империи.

Известно, что ереванские армяне в своем обращении к Ираклию II изъявили готовность выступить на стороне России и Грузии против Турции. Такую готовность изъявили также айсоры и курды из Баязетского пашалыка.

Один из курдских предводителей в районе Баязета, Чобаоглы, в письме Ираклию II от 23 сентября 1770 г. заявил о своем согласии с его предложением о совместной борьбе против Турции и выразил надежду на покровительство Ираклия II¹⁷.

В конце XVIII в. курды-думбули Хойского ханства своими действиями облегчили задачу Грузии отразить нашествие иранско-

го шаха Фатх-Али. Во время выступления персидских войск против Грузии, думбулийцы во главе с Джафар-Кули ханом закрепились в крепости Маку и препятствовали продвижению персов в сторону Грузии. В этой борьбе думбулийцы опирались на помощь Грузии¹⁸. В 1800 г. тот же хойский хан Джафар-Кули со своими сторонниками—курдами-думбули, просил покровительства российского правительства, что ему было обещано. Спустя некоторое время 23 марта 1801 г. генерал-майор И. П. Лазарев писал из Тбилиси генерал-лейтенанту Кноррингу о том, что «Джафар-Кули хан прислал свою доверенность живущему здесь одному почетному армянскому старшине Казарову, коему поручил ходатайствовать о принятии его в подданство Его императорского величества и все, что сей армянин сделает рассудить, он примет за благо»¹⁹.

12 августа 1802 г. Лазарев писал генералу Кноррингу, что «хойский Джафар-кули хан и нухинский Мегмет-Хасан хан заключили дружественный уговор, соединясь вместе, отражать войска Пир-Кули-хана»²⁰, который вместе с грузинским царевичем Александром выступил против России и готовил нападение на Грузию.

В период русско-иранской войны 1804—1813 гг. и последующих войн русским войскам на территории Закавказья помогало грузинское, армянское и азербайджанское население. Посильную помощь оказывали русской армии и курды. Кроме того, многие курды принимали русское подданство. 18 ноября 1805 г. 400 курдских семей перешли на сторону русских и приняли подданство России²¹. О своей готовности перейти в подданство России заявили и курды Карадага (Иран). В ноябре 1807 г. до 600 курдов просили разрешения русских властей переселиться в Карабах²².

В период русско-иранской войны 1804—1813 гг. значительная часть иранских курдов (Ардалан) отказалась выступить против русской армии²³.

Касаясь позиции курдов, П. И. Аверьянов пишет, что курды Ереванского ханства (8 тыс. семейств) «почти не принимали участия в военных действиях персиян против вступившего в Ереванское ханство отряда князя Цицианова»²⁴.

В период борьбы за освобождение Еревана русскими войсками определенное значение имела позиция, которую занимали зиланские курды (2000 семейств), поэтому как князь Цицианов, так и его преемники—главнокомандующие русскими войсками на Кавказе граф Гудович и другие, стремились привлечь их на свою сторону.

В 1806 г. в составе Шекинской конницы курды-думбули участвовали вместе с русскими войсками в овладении Кубинским ханством, а летом 1812 года содействовали отражению нападения

иранских войск на земли Шекинского ханства. Вместе с войсками генерала Котляревского они участвовали в разгроме иранских войск Аббаса-Мирзы в битве у Асладуза (19—20 октября 1812 г.)²⁵.

В результате поражения Ирана и заключения Гюлистанского мирного договора (12.X.1813 г.) усилились позиции России в Закавказье. Однако мирный договор мешал осуществлению планов Англии, стремившейся подчинить Иран своему влиянию. Иранский шах с помощью Англии готовился к новой войне с Россией. Учитывая это, русское военное командование по-прежнему придавало большое значение завоеванию симпатий населения, особенно на территории противника.

В связи с тем, что часть курдов проживала в Закавказье и в пограничных районах Ирана и Турции, русские власти стремились привлечь их на свою сторону. Нахождение русских войск в Закавказье, приближение их к границе Турции и Ирана способствовали росту освободительного движения также среди курдов. Так, восставшие в 1818 году бильбасские курды отказались подчиниться иранскому правительству. Для подавления этого восстания шах послал наследного принца Аббаса-Мирзу. По его требованию из Еревана в Тавриз было отправлено 500 персидских конников. Войска Аббаса-Мирзы в борьбе против бильбасских курдов понесли большие потери и не добились успеха²⁶.

И в этот период часть иранских курдов стремилась перейти в подданство России. В ноябре 1816 г. 1000 семейств чалаблянских курдов просили русские военные власти разрешить им перейти в Карабах²⁷. Как свидетельствует А. С. Грибоедов, еще до взятия ереванской крепости, часть курдов, во главе с Джафарханом, перешла на сторону русских и оказывала им немалую помощь. В это же время к русским перешли 250 семейств курдов из Турции²⁸.

В июле 1826 г. Иран без объявления войны начал военные действия против России. Характерно, что в этой войне Аббас-Мирза не смог набрать даже четвертой части предполагаемого им контингента курдов²⁹.

Русская армия, после осады, с помощью местного армянского населения, 1 октября 1827 г. взяла крепость Эривань. Тем самым был ликвидирован важнейший опорный пункт Ирана на границе русских владений на Кавказе.

В период войны многие иранские курды обращались к А. С. Грибоедову с предложением о сотрудничестве во время его нахождения в Чорском лагере Аббас-Мирзы. 15 декабря 1827 г. после своей беседы с курдами в селе Ором А. С. Грибоедов писал: «Искренняя любовь к русским каждого из тех, которые имели случай узнать наших, веселит сердце русского»³⁰.

На стороне русских воевала и часть курдов-думбули во главе с Кялб Али-ханом. После того, как весной 1828 г. русские войска заняли город Хой, он был назначен его правителем²¹.

По Туркменчайскому договору к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства с Ордубадским округом. Тысячи армян получили возможность вернуться на родину, в Восточную Армению. Стремясь избавиться от иранского ига, многие курды также изъявили желание поселиться на освобожденных русскими землях. В рапорте от 27 мая 1828 г. полковник Л. Я. Лазарев писал из города Хоя графу Паскевичу о том, что салмасские курды весьма настойчиво просили разрешения переселиться вместе с армянами в пределы России. При этом они отказывались от помощи, которая выдавалась армянским переселенцам²².

Установившиеся русско-курдские связи в период русско-иранских войн начала XIX в., получили дальнейшее развитие, в особенности в период русско-турецких войн.

В 1839 г. султан Абдул-Меджид (1839—1861) санкционировал специальным указом начало политики реформ—танзимат. Вслед за этим последовали законы о реорганизации армии, государственного аппарата, финансовой системы. Несмотря на свою ограниченность, эти реформы призваны были обеспечить развитие Турции по капиталистическому пути. Однако, проведенные сверху, эти реформы не облегчили, а ухудшили положение крестьянских масс. Усилилось налоговое бремя, росло бремя воинской повинности. Если раньше часть крестьян в составе феодальных дружин находилась только в летнее время, а остальное время проводила у себя дома, то в связи с созданием правительством регулярной армии, рекруты должны были служить 15 лет. Это приводило к сокращению рабочей силы, так как значительная часть работоспособного мужского населения призывалась в армию.

Проводимые центральным правительством Турции реформы и ликвидация военно-ленной системы касались также интересов курдских феодалов, которые лишились былых прав и привилегий. Поэтому они пытались подчинить крестьянское движение своему влиянию, сделать его орудием своей борьбы против турецкого правительства.

В начале XIX в. в Турции, еще до танзимата, имел место ряд выступлений курдских крестьян. В 1806 г. против турок выступили курды Сулейманийского округа. Это движение, известное как восстание Абдурахман-паши, было подавлено с большим трудом²³. В 1815 г. вспыхнуло восстание курдов Баязетского и Ванского пашалыков, к которым присоединились иранские курды Эриванского и Нахичеванского ханств и окрестностей Хоя. Это восстание было жестоко подавлено эрзерумским сераскиром, отряды которого начисто разорили жилища и карсских курдов²⁴.

Вскоре после окончания русско-персидской войны 1826—1828 гг. вспыхнула русско-турецкая война 1828—1829 гг. Военные действия происходили на Балканском и Кавказском фронтах. В этой войне также большую помощь русской армии оказывали угнетенные народы Турецкой империи, среди которых были также курды.

Известны факты совместной борьбы армян и курдов против турецких угнетателей накануне русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Об одном факте такой совместной борьбы пишет Х. Абовян: «Курды-езиды во главе с Мирза-агой и армяне во главе со священником Погосом (кешиш Поло) выступили против турок и своими небольшими отрядами (вблизи крепости Радован, недалеко от Мосула) почти полностью уничтожили 30-тысячную армию турок»³⁵.

Перед началом войны и в ходе военных действий русское командование немалое значение придавало позиции курдов, проживавших по соседству с русскими владениями в Закавказье: в в Ахалцихском, Карсском, Эрзерумском, Баязетском, Мушском пашалыках.

Когда началась война, курды не выступили на стороне Турции. Эмир Хакаяры объявил о своем нейтралитете, а остальные княжества Южного Курдистана не приняли никакого участия в войне. Только та часть курдов, которая находилась в непосредственном соприкосновении с турецкими войсками, была вынуждена участвовать на стороне турок³⁶.

Характерно, что курды не приняли никакого участия в защите Баязета при его взятии русскими 28 августа 1828 года³⁷. Спустя некоторое время, 8 сентября 1828 года, 200 семейств курдов-езидов вместе со своим старшиной Гасан-агой перешли на сторону русских³⁸. Из среды этих курдов был составлен отряд в 100 конных, которые принимали активное участие в боевых действиях на стороне русских. Они участвовали в штурме крепости Топрак-кале (Алашкертский санджак). При этом отряд, созданный из этих курдов, на эрзерумской дороге захватил 140 вьючных волов, следовавших под небольшим прикрытием турок в Топрах-кале, для поднятия оттуда провiantа и увода в плен жителей.

В тот же день, 11 сентября 1828 года, когда стало известно об ограблении армянской деревни Чилкани (в 15 верстах от крепости Топрах-кале) шайкой Карапахского Наги-хана, 80 конных курдов вместе с 60 казаками и 60 человек из ереванского ополчения под командованием войскового старшины Епифанова были отправлены в погоню. Отряд Епифанова отбил у грабителей 500 голов угнанного скота армян³⁹. И в дальнейшем курды отличались своим мужеством и храбростью. В этом отношении

весьма интересна характеристика данная им одним из военачальников, князем Чавчавадзе. 15 сентября 1828 года он писал графу Паскевичу: «Куртинцы Гасан аги всеми мерами стараются доказать свою преданность: они везде первые бросаются в огонь...»⁴⁰.

В ходе этой войны русское военное командование создало из жителей занятых им областей 4 мусульманских полка, из коих полк № 4 из 400—500 всадников состоял из курдов⁴¹. Кроме того, в ереванском отряде в мусульманский полк поступили курды-езиды Гасан-аги, а также курды аширета джалали, проживающие в Макинском ханстве⁴².

Продвигаясь вперед, русское военное командование вслед за Карсом намеревалось овладеть Эрзерумом, затем двигаться в сторону Диарбакыра и Сиваса. Как и прежде важным условием военного успеха оно считало привлечение на свою сторону курдов. Паскевич большие надежды возлагал на турецких курдов, привлечение их к совместным действиям против турок, при наступлении русских на Эрзерум, могло обеспечить их коммуникации с Закавказьем и левый фланг, кроме того, ослабить турецкую армию и в значительной части ее конницу⁴³. В результате нейтральной позиции, занятой 7-тысячным отрядом курдов, русские войска 27 июня 1829 года легко заняли Эрзерум⁴⁴. Характерно, что курды, выступившие против турецкого владычества как в период войны, так и после заключения мира, возлагали надежды на помощь России. В то же время, они предлагали свою помощь русскому командованию в борьбе против турок. Так, один из руководителей курдов-езидов Риндвана (Диарбакырский вилайет) Мирза-ага, имея в своем распоряжении 1500 всадников и 500 пеших воинов, в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. выступил против турецкого правительства. Он неоднократно обращался к командованию русскими войсками, предлагая принять участие в борьбе с неприятелем⁴⁵. В этой войне упорную борьбу против турецкого вооруженного отряда вели дерсимские курды⁴⁶.

В русско-турецкой войне 1828—1829 гг. части курдов выступали на стороне русских войск. Русское военное командование, как указывал граф Паскевич, было уверено в том, что «приобретение Баязета утвердит влияние наше над верхним Курдистаном и в случае войны может доставить многочисленную вспомогательную конницу, почитаемую лучшей в Азии, которую в иных обстоятельствах неприятель, более искусный, может собрать против нас»⁴⁷.

В результате русско-турецкой войны значительно укрепилась позиция России на Черном море и в Закавказье. По Адрианопольскому мирному договору от 2 сентября 1829 г. к России перешли восточное побережье Черного моря от устья Кубани до Поты, го-

рода Ахалкалаки и Ахалцихе, в пределах района которого обитала также часть курдов.

Контакты и сотрудничество курдов с русскими властями вызвали весьма отрицательную реакцию турок. После войны в Турции усилились гонения на курдов. Спасаясь от турецкого насилия, часть курдов, в том числе курдов-езидов, нашла убежище в Восточной Армении. Как отмечал Х. Абовян: «Теснимые и раздробляемые турецким правительством, они (курды—Х. Ч.) не скрывают, однако же, своей ненависти к туркам и привязанности к русским»⁴⁸.

Присоединение к России Закавказья и результаты русско-персидских войн начала XIX в. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. способствовали укреплению русско-курдских культурных связей.

Как указывал В. И. Ленин, в дореволюционной России мы обязаны различать две России. Здесь, с одной стороны, выступал русский царизм с его колониальной политикой и, с другой—русский народ с его передовой, демократической культурой.

В 1828 г., когда русские войска заняли иранский город Ардебиль, командующий войсками генерал Сухтелен отправил в Петербург находившуюся в городе знаменитую библиотеку Сефевидов и среди них—лучший список летописи истории курдского народа Шараф-наме Шараф-хана Бидлиси, проверенный и подписанный самим автором в 1599 году⁴⁹. Касаясь значения этого труда, известный востоковед П. Лерх писал: «В одной из библиотек столицы находится вернейшая рукопись лучшего источника для изучения истории курдов «Шараф-наме»⁵⁰.

Вскоре в Петербурге академик Веляминов-Зернов издал подлинный персидский текст этой летописи, а затем академик Шармуа напечатал четырехтомный французский перевод этого труда, которому, как указывает В. Ф. Минорский, он посвятил всю свою жизнь⁵¹.

Одним из первых в России о курдах писал великий русский поэт А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Эрзерум» во время похода 1829 г. Приложением к «Путешествию в Эрзерум» послужила заметка о секте езидов, принадлежащая миссионеру М. Гарцони⁵².

Заслуживают внимания результаты путешествия, совершенного русскими магистрами В. Ф. Диттелем и И. Н. Березиным в 1842—1845 гг. по странам Востока. Во время этого путешествия они большое внимание уделили изучению курдской культуры. Их интерес к курдам был вызван тем, как указывал В. Диттель, что «мы, русские, чуть ли не соседи этим курдам, с двух сторон—со стороны Кавказа и Черного моря»⁵³. В. Диттель убедился в том,

что кроме богатой устной поэзии» у курдов есть своя литература отчасти оригинальная, отчасти перенесенная с персидской почвы. В ней,—далее указывал он,—находим мы множество имен, прославившихся в поэзии и истории»⁵⁴.

С присоединением к России Закавказья произошло дальнейшее сближение народов этого края. Передовые деятели армянского, грузинского, азербайджанского народов способствовали укреплению культурных и дружественных связей между этими народами. Пламенным певцом дружбы народов был великий просветитель-демократ Хачатур Абовян (1805—1848 гг.). Им были написаны статьи «Курды» и «Иезиды», которые были напечатаны в 1848 году в газете «Кавказ»⁵⁵.

В статье «Курды» Х. Абовян писал: «Трудно найти в настоящее время между народами всего земного шара столь патриархальную жизнь, со всеми ее добродетелями и недостатками, преимуществами и невыгодами, как жизнь курдов, нисколько не изменяемую столетиями... Курдов можно было бы назвать рыцарями Востока в полном смысле слова, если бы они вели жизнь более оседлую. Воинственность, прямотушие, честность... строгое исполнение данного слова и гостеприимство... безграничное уважение к женщине—вот добродетели и качества, общие всему народу»⁵⁶.

В России проводятся работы по изучению языка, истории, этнографии курдского народа.

Дальнейшее развитие русско-курдских связей было обусловлено необходимостью боевого содружества в борьбе России против коалиции Турции, Англии, Франции, Сардинии во время Крымской войны.

Военные действия между Россией и Турцией начались в октябре 1853 года. Сначала они велись на Дунайском и Кавказском фронтах, а со вступлением в войну Англии и Франции в марте 1854 года приняли широкий размах. Военные действия происходили в бассейне Дуная, на Балтике, в Закавказье, в Белом море и на Дальнем Востоке.

К осени 1854 года центр военных действий переместился в Крым, где союзники поставили целью захват и разрушение Севастопольской базы русского Черноморского Флота. Оттягивая на себя главные силы противника и изматывая их, Севастополь значительно облегчил положение русских войск на других фронтах, в том числе в Закавказье.

В этой войне большую роль играл Кавказский фронт. Турецкое командование увеличило с помощью союзников свою анатолийскую армию до 120 тысяч человек, т. е. втрое больше противостоящих русских войск, намеревалось захватить территорию

Грузии и Армении, заодно и обеспечить безопасность транзитного пути Трапезунд—Эрзерум—Тебриз—Тегеран, в чем была заинтересована Англия. Русский корпус действовал на главном операционном направлении Александрополь—Карс. На правом фланге русские войска были сосредоточены в крепостях Ахалцих и Ахалкалаки, а на левом находились войска Ереванского отряда. В ходе военных действий русский корпус нанес тяжелое поражение превосходящим по численности турецким войскам. В этих боях русским частям активно помогали национальные ополчения и население Кавказа.

Русское командование придавало большое значение завоеванию симпатий курдов пограничных районов и турецкого театра военных действий.

Накануне Крымской войны курдское население Османской империи еще не оправилось от расправы, учиненной над ними в 1834 г. 20-тысячной турецкой армией Мехмед Решид-паши и при подавлении восстания Бадр-хана в 1843—1847 гг.

Эти действия турецких властей усилили антитурецкие настроения в среде курдских масс. П. И. Аверьянов, например, подтверждает, что в 1853 г. курды отказывались проходить турецкую военную службу и присоединили к русским войскам свои военные ополчения⁸⁷. Представляет интерес и заявление одного из командиров Ереванского отряда генерал-майора М. Лихутина о том, что курды «дерутся с нами неохотно не от одной боязни, но отчасти и от того, что им нет расчета поддерживать турецкое правительство, с которым они сами враждуют очень часто»⁸⁸.

Тяга местного населения, в том числе курдов к русским особенно усилилась после того, как 19 ноября (1 декабря) 1853 года на Башкадыкларских высотах (в 40 верстах от Карса) войска Кавказского корпуса наголову разгромили 36-тысячный турецкий корпус. В одном неопубликованном архивном документе говорится: «Настроение курдов после победы 19 ноября (1 декабря 1853 г.—Х. Ч.) сразу переменилось в нашу пользу и у нас (русских—Х. Ч.) завязались с ними весьма оживленные отношения. В декабре (1853 г.—Х. Ч.) в Александрополь прибыли 14 курдских старшин Карсского пашалыка с уверениями в своей покорности»⁸⁹.

Среди активных участников войны 1853 года было немало ополченцев, в том числе и курдов.

Взаимоотношения русских и курдов намного улучшились в начале 1854 года. На Карсском участке военных действий в марте 1854 года на сторону русских перешли курды зиланлы с их предводителем Ахмед-агой, а позднее—руководитель курдов Карсского пашалыка Касум-хан.

«Видя благосостояние русскоподданных курдов, пограничные турецкоподданные курды неоднократно просили разрешения перейти в наши владения, и когда им в этом отказывали, переходили границу тайно»⁶⁰, — говорится в одной докладной записке русского официального представителя.

Только в апреле 1854 года было переселено на левый берег Аракса 450 курдских семейств из 20 деревень.⁶¹

В середине июля 1854 года 20-тысячный Баязетский корпус турок выступил на Ереван. Для отражения нашествия противника 3,5-тысячный Ереванский отряд генерала Врангеля 17 июля 1854 года на Чингильских высотах разгромил шестеро превосходящие силы врага⁶². Успехи русских войск способствовали росту прорусских настроений среди курдского населения.

В 1854 году по распоряжению командующего корпусом генерала Бебутова была сформирована одна курдская сотня, а затем при Ереванском отряде был сформирован 5-сотенный курдский полк под командованием Джафар-аги. В одном из малоизвестных документов Центрального Государственного исторического архива СССР говорится, что в течение 1854 г. «полк этот служил отлично, участвовал наравне с казаками в делах против турок и, в славном деле 17 июля (1854 г.—Х. Ч.) на Чингильских высотах, он стоял в значении своем выше другой милиции; кроме того, в продолжение всего этого года, через наряжаемых с этого полка курдов, в чрезвычайной исправности и аккуратности доставлялась вся переписка Эриванского отряда в действующий корпус и обратно»⁶³. Кроме того, по поручению корпусных командиров, генералов Бебутова, Муравьева и генерал-фельдмаршала Барятинского командир полка Джафар-ага небезуспешно вел переговоры с другими курдами в воздержании их от враждебных действий против русских войск⁶⁴.

За победу, одержанную над турками 17 июля 1854 года в бою на Чингильских высотах, 25 курдов из нижних чинов милиции приказом начальника ереванского отряда генерал-майора Суслова от 18 июля 1854 года получили денежное вознаграждение⁶⁵.

После Чингильского боя русские войска, развивая наступление, 19 июля заняли город Баязет, а остатки войск противника, численностью в 2 тысячи человек, бежали в Ван.

В занятом русскими войсками Баязете насчитывалось 500 семейств, наполовину это были армяне, а большую часть второй половины составляли курды. Как пишет М. Лихутин: «Для управления Баязетом и Баязетским санджаком (уездом) нами был учрежден диван из четырех членов, почетнейших жителей города — из них два мусульманина и два армянина, под председатель-

ством Ахмед-аги, оседлого курда. Председатель дивана Ахмед-ага был главным подрядчиком продовольствия войск Баязетского корпуса⁶⁶.

М. Лихутин далее отмечает, что в 1854 г. в Баязете «Курды, видя, что мы обходимся с ними хорошо и что нам можно выгодно продавать свои произведения, сближались с нами все более и более, стали смело приезжать в наш лагерь и пригонять на продажу скот, даже из-за Алла-дага. Впоследствии, до самого ухода нашего из Баязетского санджака (уезда), толпы постоянно наполняли наш лагерь; мы ни в чем не нуждались, имели в изобилии продовольственные прованты»⁶⁷.

Для дальнейшего хода военных действий в Закавказье большое значение имели результаты сражения 24 июля 1854 года при селении Кюрюк-дара (на полпути между Александрополем и Карсом). В этом сражении 20-тысячный Александропольский отряд под командованием генерала Бебутова разгромил 60-тысячную Анатолийскую армию турок.

По мнению П. И. Аверьянова в сражении при Кюрюк-дара на стороне турок участвовали всего лишь 500 курдских всадников, но они покинули турок после поражения Анатолийской армии⁶⁸. Характерно, что командующий действующим корпусом на кавказско-турецкой границе в рапорте от 13 ноября 1854 года писал о благоприятном влиянии результатов Кюрюкдаринского сражения на отношения между русскими и курдами.

После этого сражения многие курды Карсского пашалыка изъявили желание переселиться на освобожденную русскими территорию Восточной Армении и вступили в ряды русской милиции⁶⁹.

В результате Кюрюкдаринского сражения (24 июля 1854 г.) и разгрома 20-тысячного турецкого корпуса на Чингильских высотах (17 июля 1854 г.) анатолийская армия турок резко сократилась: из 120 тыс. осталась одна треть—40—50 тысяч человек⁷⁰.

Для восполнения огромных потерь турецкое командование обычно прибегало к набору рекрутов для иррегулярных войск. Однако после каждого военного поражения туркам все труднее становилось пополнять регулярную армию, в особенности из среды курдов.

Слухи о поражении анатолийской армии в войне с русскими дошли до далеких курдских районов Турции. Пользуясь отдалением турецких войск, деятель курдского освободительного движения Езданшир в декабре 1854 года в округе Джизре поднял восстание за освобождение Курдистана. К восставшим примкнули курды Хакары, Мотки и Бохтана, оно приняло широкий размах.

В январе 1855 года повстанцы овладели Битлисом и Мосулом. К ним присоединились курды-езиды, численность восставших до-

стигла 30 тысяч человек. После разгрома отряда Багдадского Кенгама-паши восстание охватило обширную территорию от Багдада до Вана. Ряды восставших пополнились местными айсорами, греками, арабами. В итоге уже в феврале 1855 г. повстанческая армия Езданшира уже насчитывала 60 тысяч человек⁷¹, а освободительное движение приняло массовый характер.

Предполагая, что русские войска находятся у Баязета, Езданшир пять раз просил начальника ереванского отряда о помощи; предлагал ему немедленно наступать к Вану или Битлисусу на соединение с его войсками, а сам после этого рассчитывал двинуться на Эрзерум. Однако его письма не дошли по назначению, так как ереванский отряд находился в это время на зимних квартирах возле Еревана.

Таким образом командование русских войск не воспользовалось восстанием курдов. Тем не менее, как отмечает генерал М. Лихутин, это восстание до некоторой степени облегчило положение русских войск, ибо оно отвлекло часть турецких войск со стороны Эрзерума и Баязета, а вероятно и из Карса⁷².

В дальнейшем, в результате вмешательства английского консула в Мосуле, в апреле 1855 года Езданшир был вероломно схвачен и отправлен в Константинополь. Несмотря на то, что восстание стало угасать, его влияние чувствовалось долго. В начале 1855 года командир баязетского отряда генерал Суслов отправил отряд в 1000 человек под командованием начальника кавалерии ереванского отряда полковника Хрещатицкого к ванским курдам сипки и гейдеранлы. «Движение этого отряда,—говорится в архивном документе,—наделало много тревог в Эрзеруме, где полагали, что русские его предприняли с целью войти в сношение с братом Езданшира Омер агой, одним из родоначальников курдов, питавшего ненависть к туркам, и который мог выставить, как говорят, несколько десятков тысяч вооруженных всадников. Эрзерумские власти ожидали восстания Омер аги, и по этой причине из турецких войск разбежалось до 1500 человек, преимущественно курдов»⁷³.

О том, какое большое значение придавалось этому восстанию, свидетельствует тот факт, что турецкое правительство учредило особую медаль, которая выдавалась всем участникам подавления восстания Езданшира.

В 1855 году военные действия на Кавказском и других фронтах проходили в сложных условиях.

Зимой 1854—1855 гг. с помощью Англии была усилена анатолийская армия турок, а Карсская крепость превращена в обширный укрепленный лагерь, построенный английскими инженерами по всем правилам военно-инженерного искусства того вре-

мени⁷⁴. Гарнизон крепости составлял больше половины азиатской армии.

Принимались меры и для усиления действующего корпуса русской армии на Кавказе. Укреплялось боевое содружество кавказских национальных ополчений и прегулярных войск с русской армией.

В составе русского корпуса самоотверженно сражались свыше 19 тыс. армян, грузин, азербайджанцев, курдов, дагестанцев, осетин, кабардинцев, чеченцев и ингушей⁷⁵.

Во время поездки главнокомандующего кавказским фронтом генерал-лейтенанта Н. Н. Муравьева в действующую армию, среди встречающих его на окраине Александрополя, было 70 курдских старшин, принявших русское подданство.

Накануне военных событий в мае 1855 года главные силы действующего корпуса русской армии были сосредоточены у Александрополя, силы правого фланга находились в Ахалцихе и Ахалкалаки, а левого фланга—в Ереванской губернии, у подножья горы Арарат.

В мае 1855 года вместе с другими курдскими национальными формированиями, добровольно поступившими на русскую военную службу, были сформированы два кавалерийских полка, которые сражались вместе с русскими войсками. Первый полк, сформированный из жителей Ереванской губернии, находился в составе Ереванского отряда, а второй, курдский полк, из перешедших к русским из Турции, входил в главный Александропольский отряд действующих русских войск⁷⁶.

30 мая (11 июня) 1855 года русские войска заняли Ардаган, а в середине июля 1855 г. подошли к Карсу. Оставив под крепостью 20-тысячный блокирующий корпус, основные силы Кавказского корпуса совершили несколько глубоких рейдов, в ходе которых отбросили остатки Баязетского корпуса турок к Эрзеруму и уничтожили их продовольственные запасы⁷⁷. 30 июня (12 июля) весь русский корпус вместе с кавказскими национальными прегулярными отрядами форсировали реку Карс-чай и расположились лагерем у селения Тикме (в 10 км от Карса)⁷⁸. Для блокады карсской крепости были созданы летучие отряды под командованием полковника Лориса-Меликова и А. М. Дондукова-Корсакова. Среди разведчиков было немало ополченцев-курдов.

По поручению русского главнокомандующего 9 июля 1855 г. Лорис-Меликов выступил из лагеря Тикме для налаживания порядка на участке между эрзерумской дорогой и границей Ереванской губернии.

Заняв город Кагызман, Лорис-Меликов, по распоряжению главнокомандующего, назначил командира 2-го курдского полка

Ахмед-агу начальником Кагызманского и Гечеванского санджачиков⁷⁹. Эти два санджачика в течение всей кампании контролировались русским командованием.

12 июля 1855 г. конный отряд в составе полсотни донских казаков и сотни курдов под командованием полковника Дондукова-Корсакова выступил из Кагызмана к лагерю ереванского отряда, находившегося у селения Маряник (между Диадином и Топрах-кала). Преодолев трудный и опасный путь, этот отряд 14 июля дошел до селения Армутлю. В тот же день к ним присоединился отряд полковника Лорис-Меликова и 15 июля эти отряды вернулись в лагерь у селения Тикме (в Чахмахских горах в районе Карса).

В течение 2—6 августа 1855 года отряд Лорис-Меликова в составе пяти сотен легкой конницы, в том числе и курдов-езидов, вел разведку на северо-западной части карсской крепости⁸⁰.

«Во время продолжительной блокады Карса курды Карсского пашалыка были вполне на нашей (русских—Х. Ч.) стороне», — писал один из офицеров русской армии. Далее отмечается, что «глава карсских курдов Касум-хан, решив, что по окончании войны русские могут не удержать за собой Карсский пашалык, перешел на сторону турок и переселился в Мушский пашалык», однако находящиеся в его подчинении курды не последовали за ним и «продолжали оставаться в Карсском пашалыке, уклоняясь от всяких сношений с турками; с большой охотой поступили они на службу в нашу (русскую—Х. Ч.) курдскую милицию и в то же время не давали туркам ни одного всадника»⁸¹.

В 1855 году активные боевые действия против турок вел и ереванский отряд. После того, как 1 июля 1855 года в этот отряд влился 1-й кавалерийский курдский полк под командованием майора Джафар-аги, ереванский отряд 12 июня выступил против турецкого баязетского корпуса. Как сказано в архивном источнике «курдский полк № 1 служил в продолжение всего года усердно и во всем отличном порядке, о чем свидетельствуют дела этого полка, из которых главное 13 июля (1855 г.—Х. Ч.) против турецкой кавалерии на Евфрате при монастыре Сурб-Оганес. При участии курдского полка была совершенно разбита турецкая кавалерия под начальством Балюл-паши (курда), прикрывавшего отступление Вали-паши»⁸². При этом Балюл-паша был взят в плен казаком и курдом⁸³.

За мужество и отвагу при занятии ереванским отрядом турецкого лагеря в Сурб-Оганес 13 июля 1855 г. три кавалериста из курдского полка № 1 Мсто Мхо оглы, Ахмо Расул оглы и Усуб Гало оглы по приказу главнокомандующего были награждены медалями «За отличие»⁸⁴.

О дальнейших действиях 1-го курдского полка сказано, что «полк этот весь 1855 год служил одинаково отлично и одинаково усердно и оказывал большую услугу в исправном доставлении всей корреспонденции между ереванским и главным отрядами».

Далее курдский полк принял участие и в движении отряда русской кавалерии по заданию главнокомандующего в направлении Муша, Меназкерта и Патноса. Находя пользу в службе 1-го курдского полка, главнокомандующий приказал в составе ереванского отряда сформировать еще один курдский полк⁸⁵. Русское командование через Джафар-агу поддерживало связи с остальными курдами, склоняя их выступить на стороне русских.

Не выдержав долгой осады, гарнизон Карсской крепости вынужден был 16 ноября 1855 года капитулировать. Характерно, что в составе ее гарнизона оказалось всего 1200 солдат иррегулярных подразделений, среди которых курдов было очень мало⁸⁶.

Успехи русских войск на Кавказском фронте сыграли немалую роль при заключении Парижского мира 18(30) марта 1856 года. Завоеванные кавказскими войсками Баязетский и Карсский пашалыки с Посховским санджаком, в несколько раз превосходившие занятые союзниками районы в окрестностях Севастополя и Кинбурна, были возвращены Турции взамен Севастополя и других городов.

Одним из главных результатов военных действий на Кавказском фронте Крымской войны явилось крепнувшее боевое содружество народов Кавказа с русским народом, которое проявилось в героических подвигах, отмеченных высокими боевыми наградами. Среди героев были и сыны курдского народа.

За активное участие в кампании 1855 г. приказом главнокомандующего по 1-му курдскому кавалерийскому полку были награждены: командиры 3-й и 5-й сотнями—золотой медалью «За храбрость», два векиля—знаками отличия ордена 4-й степени (предназначенных для мусульман), три бойца—серебряной медалью «За храбрость»⁸⁷. Были награждены также Ахмо Расул оглы—знаком отличия военного ордена, Усуп Гасо оглы—серебряной медалью «За храбрость» и Мсто Мхо оглы—знаком отличия военного ордена⁸⁸. За отличие в боевых действиях 1855 года командир 1-го курдского кавалерийского полка майор Джафар-ага приказом главнокомандующего был награжден орденским знаком «Святой Анны» 3-й степени с мечами⁸⁹.

Боевых наград были удостоены и многие бойцы 2-го курдского кавалерийского полка, входящего в главный Александропольский отряд. Приказом главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом от 16 декабря 1855 года 198 милиционеров 2-го курдского полка, участвовавшие в блокаде и штурме крепости Карс в 1855 году, получили денежную награду⁹⁰.

20-летний период после Крымской войны ознаменовался новым обострением Восточного вопроса. В эти годы ширилось национально-освободительное движение стонущих под турецким игом армянского народа, народов стран Балканского полуострова—Боснии, Герцеговины, Болгарии. В самоотверженной борьбе против турецкого ига за свое освобождение народы этих стран возлагали большую надежду на помощь русского народа. Этим объясняется совместная борьба ориентировавшихся на Россию армянского, курдского, айсорского народов против турецких угнетателей⁹¹.

Одна из главных задач внешней политики правительства России в тот период заключалась в ликвидации тяжелых условий Парижского мирного договора 1856 г. и в наращивании военного потенциала на Черном море.

В эти годы турецкое правительство принимало меры, чтобы расколоть и ослабить силы борющихся народов. Учитывая опыт прошлых войн и рост русской ориентации среди курдов, правящие круги Турции стремились подкупить, привлечь на свою сторону часть курдских феодалов, превращая их в проводников турецкого влияния среди курдов⁹². Они пытались также использовать в своих целях курдское население. Однако основная масса курдов помнила жестокость турок и была готова в удобный случай выступить против них.

В начале русско-турецкой войны 1877—1878 годов активную помощь русской армии оказывали курды горной области Дерсим. Они, заняв пути к Карсу, Токату, Сивасу и Эрзеруму, на некоторое время задержали движение турецких войск на фронт. Затем, получив через армянского патриота Хаджи Черк оглу оружие от русского командования, воевали против турок⁹³.

После ослабления турецкой армии, османское правительство обратилось к курдам Дерсима и призвало их воевать против русских. Но, как подчеркивает Нури Дерсими, курды отказались участвовать в войне против русских⁹⁴. Более того, в ответ на призыв турецкого правительства оказать им помощь, дерсимцы ответили: «Мы не дадим ни налогов, ни войска». Они совместно с армянами с небывалым мужеством воевали против регулярных войск 4-й турецкой армии⁹⁵. Стоило туркам во время войны вывести свои гарнизоны из Хозата и Мелясгерта, как запылали огнем оставленные там турецкие казармы⁹⁶.

На стороне русских войск в боевых действиях против турецкой армии активное участие принимало курдское население, входящее в состав Российской империи. В Ереванской губернии была успешно сформирована курдская милиция⁹⁷. Как указывает П. И. Аверьянов, во время этой войны курды шли весь

ма охотно в милицейские части русских. Из добровольцев-курдов были сформированы также Александропольский полк четырехсотенного состава и Карсский конный полк того же состава⁹⁹.

В первых же столкновениях с турками на стороне русских войск сражались представители многих народов Кавказа, а также курды, пешие дружины которых совместно с русскими отрядами успешно отбили нападение турок на Чингильские высоты⁹⁹. Корреспондент газеты «Мирское слово» писал с фронта о проявленных симпатиях армянского и курдского населения к русским и о фактах, когда курдская конная милиция отказывалась сражаться против русских и просила о принятии их на русскую службу. Автор заключает: «В этом скрывается глубокий смысл. Они (факты—X. Ч.) доказывают, что курд ненавидит турок и что, напротив, русские любимы в стране, где население составляют армяне и курды»¹⁰⁰.

В этой же войне курды гейдеранли, населяющие западную часть Баязетского санджака, оказывали русским войскам всевозможные услуги¹⁰¹. Немаловажное значение имело для ереванского отряда русских войск сочувственное отношение к ним курдов Мажинского, соседнего с Баязетом, ханства (Иран)¹⁰².

Примечательно, что многие воевавшие на стороне турок курды, уже в первые же месяцы вышли из подчинения своего командования и перестали слушаться даже своих шейхов. Это вынуждены были признать и сами турки. 8 июня 1877 года начальник ванского отряда Фанк-паша с горечью писал турецкому главнокомандующему Мухтар-паше о том, что «из курдов нельзя извлечь никакой пользы»¹⁰³.

В Карском пашалыке в период войны почти все курды благожелательно относились к русским. Во второй же половине войны значительная их часть выступила против турок, перейдя на сторону русских¹⁰⁴.

Командование русскими войсками стремилось привлечь на свою сторону как можно больше курдов. Так, командующий корпусом Лорис-Меликов в директиве начальнику Эрзерумской области Шелковникову от 19 декабря 1877 года писал: «Занятием нами Хныскала, настала пора открыть сношения наши с турецкими курдами. Дело это имеет для нас во всех отношениях огромное значение»¹⁰⁵. Продолжая формирование курдских регулярных частей, русское военное командование создало из курдов, проживающих на территории Российской империи, и выходцев из Турции 13 конных сотен¹⁰⁶.

В этой войне немало бойцов-курдов, за проявленное мужество в боях против турок, удостоилось высокой награды—Георгиевских крестов¹⁰⁷. Среди награжденных Георгиевскими крестами был

также житель села Оргов Сурмалинского уезда Гамид-бек Шамшаднинов¹⁰⁸

4 октября 1877 года на Аладжайских высотах, около Карса, произошло крупное сражение. В этом бою отличилось немало курдов, которые удостоились высоких наград. Из состава курдского конного иррегулярного полка юнкер Тамир Ага и 8 всадников были награждены серебряными медалями «За храбрость». За отличие в том же бою урядник курдского конного полка Измайял ага Эйбов был награжден знаком военного ордена 4-й степени, а юнкер Гамид-бек Абди оглы — золотой медалью «За храбрость»¹⁰⁹. За большие заслуги и проявленное мужество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. подпоручики Гасан-ага и Темур-ага оглы были награждены орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, а также медалью в память войны 1877—1878 гг.¹¹⁰.

В результате победоносного окончания войны и заключения Сан-Стефанского мира (3 марта 1878 г.) балканские народы получили реальную возможность на освобождение от турецкого ига. Значительные территориальные уступки в пользу России были сделаны и в Малой Азии. Однако под давлением Англии, Австро-Венгрии и Германии царское правительство по Берлинскому трактату (июль 1878 г.) должно было согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора. Вместе с тем Берлинский конгресс не мог игнорировать результаты побед России над Турцией — как на Балканах, так и в Малой Азии. «Образование независимых славянских государств, приобретение Россией Батумской и Карсской областей, получение контрибуции от Турции — все это вполне соответствовало результатам победоносной войны»¹¹¹.

На территории Карсской области проживало также курдское население. Во время войны и после ее окончания из приграничных с территорией России районов Турции многие семьи курдов переселились, главным образом, в Восточную Армению. Во время войны из Турции в Ереванскую губернию переселились 446 семейств армян и курдов-езидов. Начиная с 1 января 1881 года государство предоставило им льготы от платежей казенных податей и 3-летние льготы от земских повинностей. Кроме того, каждой семье выдавалось до 85 рублей пособия на обзаведение и устройство жилищ, приобретение семян, земледельческих орудий и скота¹¹².

22 семейства курдов-езидов перешло в Россию с отрядом генерал-лейтенанта Тер-Гукасова и было поселено на казенных землях «Абаран-поле» в Александропольском уезде Ереванской губернии¹¹³. Во время войны 21 семейство курдов-езидов переселилось из Турции и поселилось в деревне Каравансарай Алек-

сандропольского уезда¹¹⁴. Переселение курдов происходило и в других уездах Ереванской губернии.

Таким образом, как показывают вышеприведенные факты, представители курдского народа вместе с другими народами Кавказа принимали активное участие на стороне русских в боевых действиях на Кавказском фронте, как в период Крымской войны 1853—1856 гг., так и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Это свидетельствует о начале формирования русской ориентации курдов, что проявилось и в их дальнейшем участии на стороне русских в военных действиях против Турции, а также в установлении торговых и культурных контактов с русскими. Россия по своему экономическому и культурному развитию стояла значительно выше Турции и Ирана, что положительно сказывалось на дальнейшую судьбу курдского народа, вошедшего в состав Российской империи.

К сближению с русским народом курдов побуждало также их невыносимо несправное положение под гнетом Турции и Ирана. Несмотря на завоевательный характер политики царизма, роль России в отношении народов Закавказья и в том числе курдов объективно носила позитивный характер.

Войдя в состав России, часть курдского народа, проживающая на территории Закавказья, сблизилась с великим русским народом. В дальнейшем нарождавшееся в стране революционное движение вбирало в себя лучшие силы всех наций и народов. В общий поток революционной борьбы включились передовые представители курдских трудящихся, связавших судьбу своего народа с Россией.

Развитие русско-курдских связей оказывало положительное влияние на национальное пробуждение у курдов, проживающих в странах Ближнего и Среднего Востока.

Կ. Մ. ՉԱՏՈՒԿ

ՌՈՒՍ-ՔՐԴԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՑ

Ա Վ Փ Ո Փ Ա Վ

Ռուս-քրդական կապերը սկիզբ են առել XIX դարի սկզբին Ռուսաստանի հետ Անդրկովկասի միավորման ժամանակաշրջանում: Չնայած ցարիզմի նվաճողական քաղաքականությանը, Ռուսաստանի դերը Արևելքի ժողովուրդների նկատմամբ օրյեկտիվ-պատմական տեսանկյունից ուներ առաջադիմական բնույթ:

Ռուս-բրդական կապերը հիմնականում ունենին ռազմական համագործակցության բնույթ շահական Իրանի և սուլթանական Թուրքիայի դեմ մղվող պայքարում: Հողմածում նախահեղափոխական պատմագիտական գրականության, արխիվային նյութերի, ինչպես նաև սովետական պատմաբանների աշխատություններում պարունակվող փաստերի հիման վրա հանգամանորեն բննվում են բրդերի և ռուսական ռազմական ու քաղաքական իշխանությունների միջև ստեղծված կապերը, դրանք պայմանավորող հանգամանքները և զարգացման տենդենցները: Ընդգծվում է, որ Ռուսաստանի սոցիալ-քաղաքական անհամեմատ ավելի բարձր մակարդակը Թուրքիայի և Իրանի նկատմամբ, նպաստավոր պայմաններ ստեղծեց բրդերի այն հատվածի զարգացման համար, որ մտնում էր ռուսական կայսրության կազմի մեջ:

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Морк К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 27, с. 241.
2. Гордлевский В. А. Избранные сочинения, т. III, ИВЛ, 1962, с. 115.
3. Аверьянов П. И. Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османовской империи. СПб., 1912, с. 15.
4. Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, Тифлис, 1900.
5. Бензенер, Записка о Курдистане. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб., 1911, вып. XXXIV.
6. Карцев В. А. Заметки о курдах, Тифлис, 1896.
7. Коллюбакин А. М. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции, т. I, ч. I, Тифлис, 1888; Коллюбакин Б. Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии. (Составлено по русским и иностранным источникам).—СМА, 1883, вып. IV, с. 35—49.
8. Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. Из записок о военных действиях Эриванского отряда, СПб, 1863.
9. Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 г., т. I, чч. I, II, СПб., 1877.
10. Лерх П. И. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. 1—3, СПб., 1856—1858.
11. Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления, Пг., 1915, с. 116.
12. Никитин В. Курды. М., 1964 (русск пер.).
13. Гордлевский В. А. Избранные сочинения, т. III, М., 1962.
14. Эзов Г. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1899, с. 159.
15. См. Архив внешней политики России (далее—АВПР), ф. Сношения России с Персией, д. 110/1, № 1, ч. II, л. 560.

16. См. АВПР), ф. Сношение России с Арменией, 1727—1728, д. 100, № 3, л. 3—6.
17. См. История армянского народа, Ереван, 1951, с. 261.
18. См. *Мартirosян В. М.* Освободительные стремления закавказских народов в годы русско-турецкой войны 1768—1774 гг., (Вестник общественных наук), № 5(365), Ереван, 1973, с. 42).
19. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. (Далее—АКАК). т. I, с. 115.
20. См. АКАК, т. I, с. 683.
21. Рапорт генерал-майора Несветаева князю Цицианову из Караклиса от 30 ноября 1805 г. См. АКАК, т. II, с. 631.
22. Рапорт подполковника Котляревского графу Гудовичу из Шуши от 28 ноября 1807 г. См. АКАК, т. III, с. 443.
23. См. *Аверьянов П. И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, Тифлис, 1900, с. 10—11.
24. *Аверьянов П. И.*, указ. соч., с. 14.
25. АКАК, т. V, с. 682, 684—685, 690.
26. См. АКАК, т. VI, ч. II, с. 191, 207.
27. Предписание ген. Ермолова полковнику Ладинскому от 15 ноября 1816 г. См. АКАК, т. VI, с. 834.
28. См. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1889, с. 120.
29. См. *Аверьянов П. И.* Указ. соч., с. 28.
30. См. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1889, с. 118, 120—121, 123, 125—126.
31. *Папаян А. Д.* Новый источник по истории курдского народа. См. «Вестник Матенадарана», Ереван, 1967, № 8, с. 246.
32. См. АКАК, т. VII, с. 629.
33. См. *Никитин В.* Курды (перев. с франц.), М., 1964, с. 285.
34. *Вильчевский О. Л.* Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в. Журн. «Советская этнография», 1936, № 4—5, с. 158.
35. *Абовян Х.* Полн. собр. соч., т. VIII, Ереван, 1957, с. 260.
36. См. *Аверьянов П. И.* Указ. соч., с. 45.
37. Генерал-майор *Ушаков.* История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг., ч. I, 2-е изд., Варшава, 1843, с. 359; АКАК, т. VII, с. 775.
38. Там же.
39. См. Генерал-майор *Ушаков.* Указ. соч., с. 359, 361.
40. *Аверьянов П. И.* Указ. соч., с. 53.
41. См. Бюллетень прессы Среднего Востока, Ташкент, № 13—14, 1932, с. 97.
42. См. *Аверьянов П. И.* Указ. соч., с. 62.
43. См. АКАК, с. 770. Всеподданнейший рапорт графа Паскевича от 21 ноября 1828 г.
44. См. Бюллетень прессы Среднего Востока, Ташкент, № 13—14, 1932, с. 96.
45. См. Центральный государственный исторический архив СССР (Далее—ЦГИА СССР), ф. II, д. 66, л. 1, 3, 4.

46. Там же, ф. 1438, оп. 1, л. 386, л. 34.
47. АКАК, т. VII, с. 786. Отношение графа Паскевича к графу Нессельрода от 3 июня 1829 г.
48. Абовян Х. Полн. собр. соч., т. VIII, Ереван, 1958, с. 372.
49. См. Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления, Пг., 1915, с. 20.
50. См. Ларх П. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. I, СПб., 1856, с. V.
51. См. Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 20.
52. См. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 375, 388—393, 419.
53. Диттель В. Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845 гг. См. Журн. Библиотека для чтения, т. 95, ч. I, май 1849, СПб., с. 192.
54. Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку. Журн. Народное просвещение, № 10, 1847, СПб., ч. VI, отд. IV, с. 9.
55. Статья «Иезиды» впервые была напечатана в № 8, 9 в газ. «Кавказ» от 21 и 28 февраля 1848 г., а ст. «Курды» в № 46—47, 49—51 той же газ. от 13, 20 ноября и 4, 11, 18 декабря 1848 г., спустя полгода после трагического исчезновения Х. Абовяна. См. Абовян Х. Полн. собр. соч., т. VIII, Ереван, 1958, с. 450, 451; Парсамян В. А. История армянского народа, Ереван, 1972, с. 166.
56. Абовян Х. Полн. собр. соч., т. VIII, Ереван, 1958, с. 360—361.
57. Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Исторический очерк, Тифлис, 1900, с. 82.
58. Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863, с. 144.
59. ЦГИА СССР, ф. 1087, оп. 1, л. 441, л. 28—29.
60. См. АКАК, т. VIII, с. 391.
61. См. Аверьянов П. И. Указ. соч., с. 107.
62. См. Бестужев И. В. Крымская война 1853—1856 гг., М., 1956, с. 74.
63. ЦГИА СССР, ф. 1087, оп. 1, л. 312, лл. 4 об., 5.
64. Там же, л. 5.
65. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 7, д. 14, л. 17.
66. См. Лихутин М. Указ. соч., с. 127.
67. Там же, с. 196.
68. См. Аверьянов П. И. Указ. соч., с. 107.
69. См. Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Далее—ЦГВИА СССР), ф. 38, оп. 76, д. 284, л. 2.
70. См. Бестужев И. В. Указ. соч., с. 77.
71. ЦГИА СССР, ф. 1087, оп. 1, д. 443, л. 6.
72. См. Лихутин М. Указ. соч., с. 254.
73. ЦГВИА СССР, ф. 481, д. 58, л. 25.
74. ЦГИА СССР, ф. 1087, оп. 1, д. 443, л. 7.
75. См. Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг., М., 1971, с. 283.
76. См. Богданович М. И., т. IV, СПб., 1876, гл. XXXIX, с. 238—239.
77. См. Ибрагимбейли Х. М. Указ. соч., с. 283.

78. Там же, с. 297.
79. См. Блокада Карса. письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию, Тифлис, 1856, с. 42—43.
80. См. *Муравьев Н. Н.*, т. 1, ч. 1, II, СПб., 1877, с. 211.
81. ЦГИА ГССР, ф. 1087, оп. 1, д. 443, л. 33.
82. См. ЦГИА ГССР, ф. 1087, оп. 1, д. 312, л. 5.
83. *Лихутин М.* Указ. соч., с. 288.
84. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 7, д. 14, л. 100.
85. См. ЦГИА ГССР, ф. 1087, оп. 1, д. 312, лл. 5, 6.
86. Там же, оп. 1, д. 443, л. 33.
87. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 7, д. 14, л. 136.
88. Там же, л. 29.
89. Там же, л. 196.
90. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 7, д. 14, л. 127.
91. Подробно см. труд Нерсисяна М. Г. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма в 1850—1870 гг. Ереван, 1955 (на арм. яз.).
92. Одним из активных проводников влияния турецкого правительства среди курдов в те годы был Измаил Хакки-паша (курд родом из Карсского пашалыка). С его помощью была учинена расправа над хлякрийскими курдами при подавлении восстания Ёданшира.
93. АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1883, оп. 317, д. 7608, лл. 8, 11, 15.
94. *Nuri Dersimi. Kürdistan tarihinde Dersim. Halep, 1952, s. 79*
95. См. *Парсамян В. А.* История армянского народа, Ереван, 1972, с. 276.
96. Бюллетень прессы Среднего Востока, № 13—14, Ташкент, 1932, с. 103.
97. См. *Кишимшев С. О.* Война в Турецкой Армении, 1877—1878 гг., СПб., 1884, с. 5.
98. См. *Аверьянов П. И.* Указ. соч., с. 217, 218.
99. См. Материалы по изучению Востока, вып. 1, СПб., 1909, с. 90.
100. См. газ. «Мирское слово», СПб., 30 апреля 1877 г.
101. См. ЦГВИА СССР, ф. 450, д. 127, л. 45.
102. См. АВПР, ф. «Персидский стол», 1909, д. 540, л. 285.
103. См. Бюллетень прессы Среднего Востока, № 13—14, Ташкент, 1932, с. 104.
104. Там же.
105. Там же.
106. Там же, с. 105.
107. Материалы по изучению Востока, вып. 1, СПб., 1909, с. 90.
108. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 1, д. 3784, л. 5.
109. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 1, д. 432, л. 2.
110. ЦГИА АрмССР, ф. 94, оп. 1, д. 3167, л. 13.
111. *Мегрелидзе Ш. В.* Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тбилиси, 1972, с. 242.
112. ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 7, д. 813, л. 4.
113. ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 7, д. 813, л. 2.
114. Там же, л. 1.